

Н. Н. ЯКОВЛЕВ

"ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" НАКАНУНЕ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Новая и новейшая история. 1990. № 3.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения 2009*

Семилетняя война 1756-1763 г. столкнула в жестокой схватке две коалиции европейских государств. В одной из них объединились Великобритания и Пруссия, основу другой составили Австрия, Россия и Франция. Однако еще незадолго до начала войны едва ли можно было предвидеть такое развитие международных событий: эти коалиции образовались из стран, еще недавно бывших противниками друг друга. Партнеры по бывшим союзам поменялись местами, причем от начала первых контактов между недавними врагами и будущими союзниками, относившихся к лету 1755 г., и до завершения процесса перемены европейских внешнеполитических союзов прошло менее года.

Термин "перемена союзов" по отношению к событиям кануна Семилетней войны был применен еще французскими исследователями прошлого века Э.Бутариком и А.Вандалем. Французский же историк де Бролье в 1878 г. ввел понятие "дипломатическая революция"¹, ставшее в конце XIX - начале XX в. общепризнанным.

Смену коалиций Европа знала и раньше, но она крайне редко носила столь резкий и всеобъемлющий характер. Важно также, что в составе сформировавшихся тогда союзов основные европейские державы вступили в разорительную и опустошительную войну, которую иногда называют даже "первой мировой".

Внешнеполитические события середины 50-х годов XVIII в. произвели смятение в умах современников. Волновали они и многие поколения исследователей всего комплекса проблем, связанных с Семилетней войной.

На протяжении более чем 100 лет основными источниками по дипломатической предыстории Семилетней войны оставались документы, захваченные Фридрихом II в Саксонии, на основании чего он "доказывал наличие широкого антипруссского заговора, острие которого составлял-де союз Вены, Версаля и Петербурга.

Со второй половины прошлого столетия положение меняется в связи с внедрением более широкого круга источников, в первую очередь - мемуаров и переписки самих участников событий кануна Семилетней войны. К сожалению, практически вне поля зрения историков остались русские документы, относящиеся к этому периоду, прежде всего дипломатическая переписка, хранящаяся в Архиве внешней политики России МИД СССР (АВПР).

В данной статье ставится задача проследить основные предпосылки, ход и результаты процесса перемены европейских внешнеполитических союзов в середине XVIII в. преимущественно на основе документов АВПР. Большинство из них, особенно из фондов "Сношения России с Австрией", "Сношения России с Англией", "Сношения России с Францией", до сих пор не использовалось. Наиболее содержательной группой документов является переписка руководителей российской внешней политики середины XVIII в. - канцлера А.П.Бестужева-Рюмина и вице-канцлера М.И.Воронцова с послами в соответствующих странах.

Расстановку сил в Европе к 1755 г. - началу процесса перемены союзов можно охарактеризовать следующим образом.

Если на протяжении двух столетий главным антагонизмом была борьба за европейскую гегемонию Бурбонов и Габсбургов, т.е. Франции и Австрии, то после 1748 г. (окончание войны за австрийское наследство) фокус основного конфликта переместился в германские земли, где необычайную остроту приобрело столкновение интересов Пруссии и Австрии. При этом, однако, и австро-французские отношения оставались напряженными. К концу 40-х годов XVIII в. значительно обострился и давний спор между Великобританией и Францией за колонии в Ост-Индии и Северной Америке, что предполагало соперничество за превосходство на морях. Россия, занявшая с начала XVIII в. влиятельное положение на европейской арене, непосредственно не была вовлечена ни в одно из этих противостояний. Тем не менее от ее позиции зависело многое.

Одним из главных европейских внешнеполитических союзов был союз Австрии, Великобритании и России, к которому примыкали Голландия, Саксония, Бавария и ряд более мелких германских государств.

После 1748 г. основной внешнеполитической задачей дипломатии Вены был возврат захваченной Фридрихом II Силезии и установление гегемонии Австрии в германских землях. После того же, как пост канцлера в Австрии в 1753 г. занял один из крупнейших дипломатов XVIII столетия В.А.Кауниц-Ритберг, им была выдвинута задача устранения Пруссии как фактора большой европейской политики вообще; надлежало сделать это "без единого выстрела"², лишь средствами дипломатии.

К этому времени Австрия была связана давними, бравшими начало еще в первых десятилетиях XVIII в., так называемыми Барьерными договорами с "морскими державами" - Великобританией и Голландией. Союз этот был направлен против Франции. Однако Лондон все больше сосредоточивался на борьбе с Францией вне Европы, венский же двор прежде всего стремился к борьбе с Пруссией в германских землях.

Важное место во внешней политике Вены занимал союз с Россией, зиждившийся на обоюдной заинтересованности в противодействии угрозе со стороны Османской империи, а с конца 40-х годов - на стремлении к "ограничению" прусского короля. В мае 1746 г. в Петербурге был заключен рассчитанный на 25 лет союзный оборонительный договор между Австрией и Россией. В 1750 г. к этому "договору двух императриц" присоединилась Великобритания.

На протяжении XVIII в. в системе британской внешней политики прослеживалась борьба двух тенденций. Одна из них - борьба за колонии, другая - за утверждение на Европейском континенте, связанная прежде всего с защитой Ганновера - владений короля Великобритании Георга II, являвшегося одновременно и ганноверским курфюрстом.

Практическое руководство внешней политикой Великобритании сосредоточивалось в руках премьер-министра герцога Ньюкаслского и государственного секретаря северного департамента графа Холдернесса. Не отрицая необходимости борьбы за колонии, премьер-министр полагал, что континентальная Европа должна занимать во внешней политике не меньшее место, чем Северная Америка или Ост-Индия. Главным средством обеспечения интересов Лондона на континенте он считал заключение максимально возможного числа субсидных договоров³ с германскими государствами: Баварией, Гессен-Касселем, Саксонией и т.д.⁴

В России к началу рассматриваемого периода руководство внешней политикой было всецело сосредоточено в руках канцлера А.П.Бестужева-Рюмина. Коллегия иностранных дел, по его собственным словам, должна была довольствоваться послушным исполнением предначертаний канцлера⁵. В основе его внешней политики лежала "система", основанная на приоритете трех внешнеполитических союзов: союза с "морскими державами", с Австрией и с Саксонией⁶.

Исходя из "системы", к врагам России следовало отнести в Европе Францию и Пруссию. На протяжении большей части первой половины XVIII в. Версаль действительно стремился с помощью антипруссских интриг в Стокгольме, Варшаве и Стамбуле создать своего рода "санитарный кордон" вокруг России. Используя глубокую неприязнь императрицы Елизаветы к Франции после того, как выяснилось, что посол М.Шетарди и лейб-медик Ж.Лесток замешаны в попытке государственного переворота, канцлер в 1748 г. сумел добиться полного разрыва между Петербургом и Версалем.

Бестужев-Рюмин также твердо взял курс на разрыв с Фридрихом II. "После войны, - считал канцлер, он сделался таким соседом, который все опаснее... его всегдашним и натуральным неприятелем почитать должно"⁷. Придравшись к малозначительному предлогу, в 1750 г. канцлер добился отозвания из Берлина российского посла.

Однако к середине 50-х годов "система" во многом уже не соответствовала изменившейся внешнеполитической конъюнктуре. Российский канцлер не учел ослабления англо-австрийских связей. Он был убежден и в непреодолимости противоречий Вены и Версаля, хотя в самом Петербурге против него выступала серьезная профранцузская группировка во главе с вице-канцлером М.И.Воронцовым и фаворитом Елизаветы И.И.Шуваловым.

Вышеописанному союзу, основу которого составляли Великобритания, Австрия и Россия, противостоял давний союз Франции и Пруссии, в 1741 г. перезаключенный на 15 лет.

Война 1740-1748 гг. завершилась для Пруссии успешно. Приобретение Силезии увеличило ее население наполовину, государственные доходы - на одну треть. Пруссия стремилась к новым захватам. Король цинично заявлял, что "из всех европейских территорий нет более подходящих нам, чем Саксония, польская Пруссия и шведская Померания"⁸.

Франция, традиционно считавшаяся крупнейшей державой континентальной Европы, после 1748 г. основное внимание уделяла укреплению своей военно-морской мощи и подготовке к схватке за колонии с Великобританией.

В этих условиях и произошло то, что впоследствии получило название "дипломатической революции".

К 1755 г. отношения Великобритании и Пруссии были достаточно прохладными. С одной стороны, сказывалась их принадлежность к противостоявшим союзам, с другой - были и сложности непосредственно в двусторонних отношениях. Так, в Лондоне отказывались возместить ущерб, нанесенный Пруссии британскими каперами, в ответ на что Фридрих II задерживал выплаты по займу. Резко разошлись мнения и по вопросу кандидатуры на престол главы "Священной Римской Империи". Вызывающим образом, с молчаливого одобрения Лондона, вел себя британский посол в Берлине Ч.-Х.Вильямс. Он заявлял, что "предпочел бы быть обезьяной на острове Борнео, нежели подданным прусского величества"⁹.

За рядом подобных выходов последовал разрыв англо-пруссских отношений.

Тем не менее противоречия между Великобританией и Пруссией при всей их внешней остроте явно не носили непреодолимого характера. Для Пруссии главной задачей было укрепление позиций в германских землях, интересы же Великобритании были сосредоточены преимущественно за пределами Европы. В октябре 1755 г. граф Холдернесс выразил это четко и ясно: "Наша забота - Франция, забота Австрии - Пруссия!"¹⁰

В то же время в Петербурге заканчивались продолжавшиеся более двух с половиной лет затяжные переговоры о заключении новой субсидийной конвенции Великобритании с Россией. 30 сентября 1755 г. было подписано рассчитанное на четыре года соглашение. В соответствии с ним Россия обязывалась выставить корпус в 55 тыс. солдат и 40-50 галер в обмен на единовременную британскую субсидию в 500 тыс.ф.ст. При этом, однако, в Петербурге не было достигнуто соглашение, какая держава будет считаться вероятным противником русских войск. Это имело далеко идущие последствия: события, произошедшие в дипломатической истории Европы, перечеркнули значение англо-прусской конвенции.

Британский кабинет, стремясь обеспечить положение Ганновера, пытался договориться с Фридрихом II о безопасности этих владений Георга II. Ведь армии Пруссии, считавшейся тогда лучшей в Европе, потребовалось бы меньше времени для того, чтобы достичь театра военных действий, чем Австрии или России, с которой в это время шли затяжные переговоры о заключении новой субсидийной конвенции. Что касается Пруссии, то Фридрих II, учитывая уязвимость Восточной Пруссии в случае вступления в войну России, был весьма заинтересован в договоренности с Великобританией - союзницей Петербурга. Достижение англо-прусского соглашения позволило бы снять угрозу для Пруссии со стороны Австрии и обеспечить, вероятно, нейтралитет России, Саксонии и субсидировавшихся Лондоном германских имперских княжеств.

Первоначальный зондаж прусской стороны через герцога Карла Брауншвейгского не дал результатов, но в конечном счете активность Фридриха II возымела действие. Решение британского премьера о допустимости соглашения с Пруссией ряд исследователей датирует июлем 1755 г.¹¹; подтверждается это и архивными данными: как заявил российскому послу в Лондоне А.М.Голицыну Холдернесс, решение о возможности заключения конвенции с Пруссией было принято "в бытность Его Величества в Ганновере"¹², т.е. в середине лета 1755 г.

Переговоры между Холдернессом и представителем Фридриха II герцогом Брауншвейгским шли сначала в Ганновере, с возвращением же Георга II в Лондон Пруссию стал представлять коммерсант А.Мишель, в конце года получивший аккредитацию поверенного в делах.

Контакты шли с переменным успехом. Герцог Ньюкаслский поначалу стремился побудить Фридриха II к уступчивости постоянными напоминаниями об угрозе Восточной Пруссии со стороны союзной Лондону России, что Берлин парировал предупреждениями о возможности перезаключения союза с Францией.

8 ноября 1755 г. Холдернесс объявил Мишелю предложения Великобритании, предусматривавшие гарантии невмешательства Лондона в австро-пруссский спор в обмен на обещание Пруссии не трогать Ганновер. Намеревались также удовлетворить финансовые претензии Пруссии. Эти предложения были благосклонно встречены в Берлине, вопрос о заключении конвенции был в принципе согласован.

Важно было и то, что британский проект не предусматривал выплат каких-либо субсидий Пруссии.

16 января 1756 г. англо-прусское соглашение ("Вестминстерская конвенция") было заключено. Суть его сводилась к взаимным обязательствам заботиться о сохранении мира в германских землях, а главное - к недопущению на их территорию войск любой третьей державы¹³.

Вест об англо-прусском соглашении была оценена в Европе как событие чрезвычайное.

Австрийский канцлер Кауниц заявил российскому послу при венском дворе К.Г.Кейзерлингу, что "конвенция между Англией и Пруссией для здешнего двора уничтожительна есть"¹⁴.

В рескрипте послу в Лондоне Голицыну от 20 февраля 1756 г. "умножение союзников" Георга II за счет Пруссии отнюдь не приветствовалось, так как в Петербурге усмотрели в этом нарушение англо-русской договоренности 1755 г. Более того, послу предписывалось довести до сведения британского внешнеполитического руководства, что в Петербурге "не могли сообразить" заключение Вестминстерской конвенции с прежними заверениями Великобритании о дружбе и "наименше с должной между союзниками откровенностью"¹⁵.

Англо-прусская договоренность вызвала острую реакцию и во Франции, многие были возмущены "вероломством" Пруссии, заключившей соглашение с Великобританией - злейшим врагом Версаля. Главное "преступление" Фридриха II усматривали в том, что он осмелился до конца держать Францию в неведении относительно своих дел с Великобританией¹⁶.

Когда речь заходит об англо-прусском соглашении 1756 г., предметом обсуждения в историографии традиционно являются два вопроса. Во-первых, была ли его основной задачей лишь защита владений Георга II и, во-вторых, в какой мере его заключение явилось неожиданностью для союзников Великобритании и Пруссии, насколько их реакция - дело дошло до полного разрыва союзных, а подчас и дипломатических отношений - была адекватна происшедшему событию?

Как строго оборонительную Вестминстерскую конвенцию стремился представить герцог Ньюкаслский. Он заявлял, что "Его Величество не мог иначе в том поступить для скорого предупреждения, чтобы король прусский с Францией не соединился, тем тишина в Германии без сомнения нарушена была, что здесь подлинно известия имелись, что Франция имела намерение атаковать Ганновер"¹⁷.

На защиту своего вновь обретенного союзника выступил и сам Фридрих II. В крайне тенденциозном документе под названием "Изложение соображений, побудивших прусского короля предупредить замыслы венского двора" он провозглашал себя защитником германских земель от деспотизма Вены.

Концепция, сводившая суть Вестминстерской конвенции к необходимости защиты Ганновера, в целом разделялась историками XIX, да и XX в.; ее поддерживают многие современные исследователи¹⁸. Этой точке зрения отдала дань и советская историография¹⁹. Но британский историк Г.Гуч предположил, что цели Великобритании были куда более глубокими - связать Францию широкомасштабной войной на континенте и тем самым обеспечить себе относительную свободу рук в колониях²⁰. А для этого и надо было зажечь пожар войны в Европе, предпочтительно поближе к границам Франции.

Какую же из этих концепций следует считать более близкой к истине? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть, какую ценность ганноверское курфюршество могло иметь в глазах лондонских политиков помимо того достойного уважения факта, что речь шла о владениях Георга II.

С территории Ганновера можно было контролировать земли между устьями рек Эльбы и Везера, Ганновер располагал рядом сильных крепостей. Однако было ли это достаточным, чтобы пойти на соглашение с Пруссией?

Исследователи зачастую упускают из виду, что в Семилетней войне, начавшейся нападением Пруссии в августе 1756 г. на Саксонию, Пруссия грубейшим образом нарушила "мир и спокойствие в Германии", выступив тем агрессором, против которого и была направлена Вестминстерская конвенция. Более того, одним из первых результатов прусской агрессии против Саксонии стало как раз то, что возможность для Ганновера стать жертвой агрессии со стороны Франции превращалась в неизбежность.

В начале 1757 г., перед лицом неотвратимой угрозы для своих континентальных владений, Георг II попытался добиться от своего теперь уже противника - Австрии - гарантий безопасности Ганновера²¹. На Пруссию Великобритания, очевидно, более не рассчитывала.

Однако союз Великобритании и Пруссии сохранялся на протяжении всей войны, более того, именно британские субсидии и позволили Фридриху II в течение нескольких лет довольно успешно противостоять антипрусской коалиции.

Причины, побудившие Великобританию в 1755 - начале 1756 г. пойти на сближение с Пруссией, носили куда более серьезный характер, нежели желание защитить Ганновер. Кроме Вестминстерской конвенции на руках у британского внешнеполитического руководства были и англо-русская субсидная конвенция, и договоры с рядом германских государств. Собственная армия Ганновера превышала 8 тыс. человек. Привлечение столь крупных сил для обороны территории, потеря которой не нанесла бы Великобритании никакого ущерба, было совершенно неоправданным и дорогостоящим предприятием. Кстати, горячим сторонником конвенции с Пруссией был и глава оппозиции в палате общин Питт-старший, считавший Ганновер обузой для Великобритании.

Таким образом, более обоснованной представляется точка зрения, согласно которой Лондон, не сбрасывая окончательно со счетов Ганновер и признавая необходимость его обороны как из престижных, так и отчасти стратегических соображений, главной задачей считал вовлечение Франции в войну на Европейском континенте с тем, чтобы облегчить Великобритании борьбу за колонии в Северной Америке.

Что касается осведомленности союзников Великобритании и Пруссии о готовившемся соглашении, то они действительно ничего о нем не знали. Голицын сообщал: англо-пруссский "трактат столь спешно, столь и секретно негоцирован был, что ни один из информированных министров ни малейшего известия об этом не имел"²². Англо-прусское соглашение оказалось полностью неожиданным и для австрийского посла в Лондоне графа Колоредо²³. Судя по всему, Вестминстерская конвенция действительно заключалась без ведома Петербурга, Вены и Версаля.

Как британские министры, так и Фридрих II ожидали, что Вестминстерская конвенция станет значительной дипломатической победой. Однако обстоятельства сложились несколько иначе. Эффект, произведенный ею, оказался совершенно неожиданным для договаривающихся сторон. И Великобританию, и Пруссию ожидало горькое разочарование.

Все хитроумные расчеты британского внешнеполитического руководства, направленные на создание антифранцузской коалиции в составе Австрии, России, Пруссии, Саксонии, Баварии и прочих германских государств, пошли прахом. "Вся британская система рухнула"²⁴. Союз с Австрией прекратил существование; более того, она перешла в стан врагов Великобритании, ставшая вполне реальной угрозой войны Австрии и России против прусского короля значительно обесценила возможную помощь со стороны последнею.

Да и сам Фридрих II оказался в незавидном положении. Он совершил ошибку того же порядка, что и британское внешнеполитическое руководство. Россия не собиралась послушно следовать в русле политики Лондона и встать в одной упряжке с Пруссией, а Франция не простила Берлину Вестминстерской конвенции.

Результатом англо-прусского соглашения в значительной мере оказалась дестабилизация международного положения, распад де-факто прежней системы союзов, начало формирования новых коалиций.

Если Вестминстерская конвенция была первым этапом "дипломатической революции", то продолжение ее составило австро-французское сближение. Важной частью процесса перемены союзов было и восстановление отношений между Россией и Францией.

К середине 50-х годов XVIII в. положение Австрии и Франции на европейской внешнеполитической арене было в чем-то сходным с состоянием Пруссии и Великобритании. Как и Пруссию, Австрию интересовала главным образом борьба за преобладание в Центральной Европе. Франция же была устремлена на приобретение новых колоний. Таким образом, помимо воспоминаний о двухсотлетнем противоборстве, водоразделом между двумя державами оставалась принадлежность к враждовавшим внешнеполитическим союзам.

Если в англо-прусском сближении с самого начала в равной мере были заинтересованы обе стороны, то в процессе изменения отношений Вены и Версаля от первых контактов и до начала 1756 г. инициатором была Австрия.

Этапы осмысления Веной возможности, а затем и необходимости сближения с Францией некоторые исследователи связывают с деятельностью канцлера Кауница. Более того, иногда даже саму перемену союзов объявляли исключительно результатом его деятельности. Так, У.Дорн писал: "Если мы хотим понять суть "дипломатической революции", мы должны понять ход мыслей ее действительного творца - Кауница"²⁵.

Действительно, еще с 40-х годов Кауниц выступал за союз с Францией, когда же в 1750 г. он был назначен послом в Париже, будущий канцлер не упустил возможность для того, чтобы попытаться изменить характер австро-французских отношений. Однако скоро бросил эти попытки, убедившись в их безнадежности.

Став канцлером, Кауниц летом 1755 г. решился на прямые переговоры с Версалем. При этом венский двор получил поддержку в лице мадам Помпадур. Ранее Кауниц сумел преодолеть глубокую неприязнь высоконравственной Марии-Терезии к Помпадур и убедил императрицу обратиться с письмом к всемогущей фаворитке с тем, чтобы она похлопотала о заключении Францией договора о нейтралитете с Австрией.

В конце августа 1755 г. австрийский посол граф Штеренберг передал письмо Марии-Терезии. Вплоть до начала 1756 г. переговоры носили характер скорее обмена мнениями, взаимного зондажа. Многие их детали "не оставили следов ни в одном архиве"²⁶.

Однако после того, как стало достоянием гласности заключение Вестминстерской конвенции, Франция сама через своего представителя аббата Берни выступила с рядом предложений к Австрии. Наибольшего внимания заслуживает высказанная Берни идея о взаимопомощи договаривающихся сторон в случае агрессии войсками и кредитами, т.е. по сути - об оборонительном союзе.

Примечательно, что в отличие от окруженных строжайшей тайной англо-прусских контактов переговоры между Францией и Австрией не были секретом. Так, в конце марта Голицын сообщал: "Здесь немало тревожатся полученными со всех сторон известиями, что будто действительно венский двор и версальский в негоциации обращаются... что подтверждается частыми перемещениями курьеров между Парижем и Веной и некоторые о сем господина Рулье мимоходом сказанные речи"²⁷.

1 мая 1756 г. австро-французское соглашение, известное как Версальский союзный договор, было заключено. Оно носило строго оборонительный характер.

Стороны обязывались уважать суверенитет владений друг друга, в случае же агрессии третьей державы предусматривалась взаимопомощь выдвиганием корпуса в 24 тыс. человек и предоставление значительных денежных субсидий - до 1 млн. флоринов - пострадавшей стороне²⁸.

При оценке характера и последствий австро-французского договора обычно отмечают, что это было величайшее достижение венской дипломатии, хитроумно заманившей в свои сети ослепленную гневом, вызванным "изменой" Пруссии, Францию²⁹. Версалю же, как правило, заранее "засчитывали поражение", его участие в договоре с Австрией расценивалось как "шаг унижения и поражения, потеря престижа... что в конечном счете привело к революции"³⁰.

Действительно, Версальский договор принес больше выгод Австрии. Хотя сам он почти ничего не давал для претворения в жизнь планов силезского реванша и создания антипрусской коалиции, посредством его достигалась практически изоляция Фридриха II на Европейском континенте. Однако Кауницу не удалось добиться пока участия Франции в наступательном антипрусском союзе, тем более что, добившись поначалу успехов в боях с англичанами в Северной Америке, Франция вовсе не желала лезть в обширную континентальную войну в угоду Австрии, чрезмерного усиления которой в Версале никто особенно и не желал. В июле 1756 г. только что назначенный поверенный в делах России во Франции Ф.Д.Бехтеев заметил: "Генерально венцев все еще не любят, токмо опора их одна Помпадур и аббат Берни"³¹.

До триумфа было, таким образом, еще далеко, и слова Кауница, заявившего 12 июня 1756 г. послу России К.Г.Кейзерлингу, что это была "не только нейтральная конвенция, но и оборонительный и дружественный союз"³², были несколько преждевременными. Австрийской дипломатии пришлось еще немало потрудиться, дабы побудить Версаль действовать в предусмотренном расчетах Кауница направлении.

Австро-французское сближение было довольно тесно связано и с восстановлением отношений между Францией и Россией. Еще в начале апреля 1756 г. посол Австрии в Петербурге граф Н.Эстергази заявлял Елизавете, что "огорчение" Версаля англо-прусской конвенцией может быть использовано с тем, чтобы "французский двор от союза с королем прусским отделить, Акт о нейтральстве заключить и для приступления к оному Ваше Императорское Величество призвать"³³.

Но какова же была вероятность восстановления русско-французских контактов, не говоря уже о возможности объединения Петербурга и Версаля в одном союзе?

Начиная с 1748 г. ни российская дипломатия, ведомая канцлером Бестужевым-Рюминым, ни руководители внешней политики Франции не видели необходимости в нормализации отношений.

Однако заключение англо-русской субсидией конвенции 1755 г. оказало существенное влияние на версальских политиков. Им было необходимо получить подробные достоверные данные об обстановке в Петербурге. Эта разведывательная задача могла быть выполнена только путем тайной дипломатии - действий тайного кабинета во главе с принцем Конти. И именно такими действиями Людовика XV и Елизаветы были восстановлены отношения между Россией и Францией во время Семилетней войны³⁴.

Миссия в Петербург была доверена шотландцу А.П.Маккензи-Дугласу. В его задачу входило выяснение характера борьбы группировок при дворе, видов России на возможную войну. Особый интерес вызывали степень влияния в Петербурге Великобритании и ход работы над англо-русской субсидией конвенцией³⁵. Дуглас прибыл в Петербург в начале октября 1755 г., и, хотя его беседа с Воронцовым не увенчалась успехом, посланцу Версаля удалось выяснить, что англорусские отношения далеки от идеала.

В апреле следующего года Дуглас прибыл в Россию уже как официальное лицо и вручил вице-канцлеру письмо от государственного секретаря Рулье. Столкновение с образчиком французской дипломатической переписки повергло Воронцова в немалое смущение. В начале письма он прочел: "Будучи уведомлен от особы, которой Ваше Сиятельство поручили выбрать себе библиотекаря, а также прислать пробы вина бургонского..."³⁶ Здесь вице-канцлер спросил, что сие означает, на что Дуглас ответил: под библиотекарем подразумевался он сам, а под винами - возможные кандидаты на должность посла в Версале.

Через несколько дней посланец Франции подал записку на имя Елизаветы, в которой отмечал, что "король французский как для собственной своей и Ее Императорского Величества славы, так и для взаимной пользы обоих государств рассудил за потребно... дать знать, что ежели Ее Императорское Величество истинную склонность имеет вступить в соглашение, то Его Величество с удовольствием увидит восстановление между двумя дворами дружеской корреспонденции"³⁷.

В ответном послании Елизавета приветствовала намерения Версаля восстановить отношения с Россией и выразила согласие на обмен официальными представителями. Тогда же российским послам было предписано улучшать отношения с представителями Франции. В конце июня 1756 г. во Францию отбыл поверенный в делах России Ф.Д.Бехтеев. Его задача отличалась от миссии Дугласа - главной целью Бехтеева было установление дипломатических отношений и поддержание русско-французского диалога. Однако процесс этот шел медленно: так, в августе Бехтеев сообщал: "Я все иначе нашел, нежели думал. На словах - все, на деле - ничто"³⁸.

В 1756 г. стала актуальной и задача преобразования русско-австрийского оборонительного союза в наступательный. Опять-таки качественно новый импульс этому процессу придавало усиливавшееся англо-прусское сближение. На одном из первых заседаний вновь учрежденной Конференции при Высочайшем дворе было решено принять энергичные меры к достижению нового соглашения с Австрией.

В конце апреля Бестужев-Рюмин представил проект будущего соглашения, важнейший пункт которого гласил: "Обе договаривающиеся стороны учинят сильное нападение на короля прусского в согласованное время", предполагалось также "с общим неприятелем ни в какую негоциацию не вступать", пока Россия не получит Восточной Пруссии, а Австрия не вернет Силезии³⁹.

Военные приготовления России шли довольно быстро, и при взятых весной 1756 г. темпах армия численностью в 60-70 тыс. человек вполне могла к лету достичь Восточной Пруссии. Однако Версалю, да и Вене не нравилась вероятность получения Россией слишком больших территориальных приобретений. Вена настояла на приостановлении российских военных приготовлений.

События разразившейся вскоре войны, получившей название Семилетней, подтвердили, что союз Австрии, Франции и России не был достаточно единодушным. Промедление с завершением формирования коалиции позволило Фридриху II быстро вывести из войны Саксонию, а также одержать победы над Австрией и Францией. Однако справиться с русской армией прусский король не смог, и лишь смерть императрицы Елизаветы и воцарение поклонника прусской системы Петра III спасли Фридриха II от катастрофы.

"Дипломатическая революция" середины XVIII в. неоднократно привлекала внимание исследователей истории международных отношений. Однако для работ конца XIX - начала XX в. было характерно неимоверное преувеличение роли отдельных исторических персонажей. Так, американский историк Р.Бэйн счел подписание англо-прусской конвенции 1755 г. исключительно заслугой российского канцлера. То, что конвенция осталась н.к бумаге, исследователь объяснил так: «"Честные и патриотические" устремления Елизаветы не позволили ей жертвовать жизнями русских солдат во имя чуждых России интересов»⁴⁰.

В трудах британских историков Дж.Корбетта, Д.Лоджа, Э.Малколм-Смит, вышедших в первой трети нашего столетия, основное внимание уделялось англо-прусскому сближению, мотивы сторон представлялись чисто оборонительными. Последующие события - в первую очередь крах прежней системы союзов - выводились как результат субъективных ошибок британского руководства и прусского короля.

На развитие историографии "дипломатической революции" значительное влияние оказала критическая работа одного из корифеев британской исторической науки Г.Баттерфилда⁴¹. Он не отвел определяющей роли ни англо-прусскому, ни русско-французскому сближению. Серьезное внимание он уделил России, каковую и объявил истинной виновницей "перемены союзов"⁴². В недавно вышедшей работе английского историка Р.Моурта можно отметить стремление представить процесс перемены союзов в комплексном виде⁴³.

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что процесс перемены внешнеполитических союзов был в значительной мере обязан выдвиганию России и Пруссии в число первостепенных европейских держав. Немалую роль сыграло и угасание антагонизма Бурбонов и Габсбургов. Резко обострившийся англо-французский конфликт из-за колоний также оказал значительное влияние на ход событий в Европе. Сам же термин "дипломатическая революция" представляется правомерным, так как перемена союзов носила резкий и всеобъемлющий, поистине революционный характер.

- 1 *Broglie de*. Le secret de Roi. Correspondance secrete de Louis XV avec ses agents diplomatique, 1752-1774, v.I. Paris, 1878, p.112.
- 2 *Dorn W*. Competition for Empire. New York, 1940, p.297.
- 3 Так называемые "субсидные договоры" были широко распространены в XVIII в. Суть их сводилась к предоставлению войск за выплату субсидий.
- 4 АВПР, ф. Сношения России с Англией, оп.35/1, д.777, л.29.
- 5 *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке, ч.1. Варшава, 1897, с.519.
- 6 *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII в. Борьба за наследие Петра. М., 1986, с.98.
- 7 Цит.по: *Масловский Д.Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Вып.1. М., 1890, с.125.
- 8 Цит.по: *The Habsbwg and Hohenzollen Dynasties in the 17-th and 18-th Centures.* London, 1970, p.341.
- 9 *Atkinson C*. A History of Germany 1715-1815. New York, 1969, p.152.
- 10 Цит.по: *Щепкин Е.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. СПб., 1902, с.267.
- 11 *Horn D*. Great Britain and Europe in the 18-th Century. Oxford, 1967, p.154; *Kaplan H*. Russia and the Outbreak of Seven Years War. Los Angeles, 1968, p.19.
- 12 АВПР, ф. Сношения России с Англией, оп.35/1, д.777, л.106.
- 13 Там же, л.18.
- 14 Там же, оп.32/1, д.3 (1756), л.178.
- 15 Там же, оп.35/1, д.776, л.30.
- 16 *Dorn W*. Op.cit., p.306.
- 17 АВПР. ф. Сношения России с Англией, оп.35/1, д.777, л.73.
- 18 *Reddawa Y.W.* Frederick the Great, and the Rise of Prussia. New York, 1969, p.194; *Lantin A*. Russia in the 18-th Ceirtury. New York. 1973, p.64; *Lee S*. Aspects of European History 1494-1789. London, 1978, p.208; *Jones J*. Britain and the World. 1649-1815. London, 1980, p.109.
- 19 *Анисимов Е.В.* Указ.соч., с.102.
- 20 *Gooch G*. Frederick the Geat, the Ruler, the Wrigther, the Man. New York, 1962, p.31.
- 21 АВПР. ф.Сношения России с Австрией, оп.32/1, д.6 (1757), л.239.
- 22 Там же, л.16.
- 23 Там же.
- 24 *Corbett J*. England in the Seven Years War, v.1. London, 1907, p.140.
- 25 *Darn W*. Op.cit., p.296.
- 26 *Broglie de*. Op.cit., p.113.
- 27 АВПР, ф. Сношения России с Англией, оп.35/1, д.777, л.99.
- 28 Там же, оп.32/1, д.6 (1756), л.71.
- 29 *Dorn W*. Op.cit., p.307.
- 30 *Atkinson C*. Op.cit., p.191.
- 31 Архив князей Воронцовых, т.6. М., 1873, с.100.
- 32 АВПР, ф.Сношения России с Австрией, оп.32/1, д.3 (1756), л.271.
- 33 Там же, д. 6 (1756), л. 7
- 34 *Щепкин Е.* Указ.соч., с. 440.
- 35 *Kaplan H*. Op.cit., p.25.
- 36 АВПР, ф. Сношения России с Францией, оп.93/1, д.5, л.3.
- 37 Там же, л.9.
- 38 Архив князей Воронцовых, т.3. М., 1871, с.173.
- 39 АВНР, ф. Сношения России с Австрией, оп.32/1, д.6 (1756), л.45.
- 40 *Bain R*. The Daughter of Peter the Great. New York, 1900, p.176.
- 41 *Butterfield H*. The Reconstruction of a Historical Episode. Glasgow, 1951.
- 42 Ibid., p.29.
- 43 *Mowart R.A*. History of European Diplomacy 1451-1789. London, 1976.